

АННА РУБЕР

БИБЛИОТЕКА КОРОТКОГО РАССКАЗА

ОПОРНАЯ МОДЕЛЬ

18+

Анна Рубер

Опорная модель

<https://litres.ru/74603919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Левина — художница. В юности она подрабатывала натурщицей и с тех пор знает: тело, отданное чужому взгляду, остаётся твоим, пока решаешь ты. Ещё девчонкой она дала себе клятву: мои проекты будут только моими, или их не будет вовсе.

Много лет спустя к ней подходит Светлана Павловна — скульптор, её старая учительница по лепке. У неё рубец на животе и последняя выставка, времени мало, и ей нужна опорная модель: женщина, в которой ушла суeta молодости.

Рассказ в шести главах о том, как работа, муж и дочь отходят на второй план перед чужой выставкой. Светлана лепит Веру. А Вера до последнего не знает, чьим проектом согласилась стать.

Анна Рубер

Опорная модель

Рассказ в шести главах.

Все описанные события вымышленные. Любое совпадение имен случайно.

Глава первая. Ситцевый халатик

Курский вокзал в июле пах дегтем раскаленных на солнце шпал и сырым сквозняком подземных переходов. На мне был брючный костюм, который казался мне тогда модным, туфли-лодочки, под мышкой папка с акварелями на гознаковской бумаге. В кармане — рекомендательное письмо от Игнатия Савельевича, моего учителя живописи из художки, к его старому приятелю. Тот дослужился в столице то ли до декана, то ли до завкафедрой в одном из художественных вузов. Точного адреса он не помнил, а телефонов в привычном сейчас мобильном виде ещё не существовало.

От Курской до Сокола по старым веткам метро было не больше получаса. Я ещё успевала подать документы.

Собеседование я прошла удачно. Живопись и рисунок сдала на пятерки, и это показалось мне чудом. Но на этом чудеса иссякли. Меня срезали на композиции. Предмет был непонятный, с расплывчатыми критериями оценки. Пода-

вать на апелляцию меня отговорили.

— Деточка, испортишь отношения — и вообще никогда не поступишь, — предостерег Заславский, тот самый старый приятель моего учителя из художки. Он вертел в пальцах письмо Игнатия Савельевича.

— Рисунок у вас крепкий. Но институт — это не богадельня для талантов. Хотите поступить? Могу устроить вас натурщицей. Тело у вас молодое, пластичное, анатомия читается превосходно. И подготовитесь, и с нужными людьми познакомитесь. Своих берут охотнее.

Так я надела казенный ситцевый халатик с оторванной верхней пуговицей и шагнула на подиум. Поначалу это было послушанием мученицы. По четыре часа кряду я застывала: то с тульским самоваром в охапке, то с семиструнной гитарой, пахнувшей мышинным пометом и лаком. Натурщикам платили гроши: за «одетую» позу хватало на институтский борщ и кофе; за обнаженную натуру приплачивали столько, что к борщу прибавлялся винегрет и булочка. И я разделась.

Надо было освоить только одну позу — «контрапост»: натурщица стоит, перенеся всю тяжесть на одну ногу. В этом положении виден изгиб позвоночника. От неподвижности сводило икры, кровь густела. Но я терпела. От недоедания и беготни я была тонкой, но природа одарила меня женским избытком, который на фоне худых ключиц и выступающих ребер казался вызывающим. Высокая, округлая грудь с вечно мерзнущими сосками и крутой изгиб поясницы принесли

мне популярность.

Вскоре вокруг меня закружили институтские старцы. Особенно усердствовал профессор с длинной, прямо постриженной бородкой, корифей соцреализма. Фамилию не помню, а за эту самую бородку ему дали прозвище «флейц».

— Верочка, деточка, — шептал он у стеллажей в лаборантской. Его рука залезла в карман моего ситцевого халата, единственного моего прикрытия в короткие перемены между сеансами. Он сунул в карман обрывок кроссворда, где в пустые клеточки был вписан телефон, и погладил меня по ягодицам. Разгадывание кроссвордов считалось на кафедре спортом.

— Зачем вам эта собачья поденщина? У меня в мастерской на Масловке — тишина, свет правильный, рефлектор греет. Попозируете для цикла «Юность Республики». Я словечко замолвлю где надо, на будущий год пройдете по конкурсу.

Я думала, что свидетельством нашего разговора был только гипсовый бюст Сократа, да пара треснувших кувшинов. Но тут из-за дальнего шкафа неслышно вышла Людмила Филимоновна — пожилая лаборантка с пергаментным лицом. — Не слушай старого козла, Вера, — глухо произнесла она. — Он этот фокус тридцать лет показывает. Каждой второй обещает золотые горы, а кончается все непристойными анекдотами и выпивкой на засаленном диване в его мастерской. Если деньги нужны — я тебя абитуриентам сосватаю, по ве-

черам сюда приходят тайком обнаженку штудировать. Платят вскладчину и сразу.

Так началась моя двойная жизнь. Днем я перебегала из аудитории в аудиторию, кутаясь в синий халатик, а по вечерам брала у вахтера Иваныча ключ от 325 аудитории. Там была единственная железная дверь на этаже. Я запускала туда абитуриентов и запирала изнутри. Плату со всех пришедших собирала заранее. Абитуриенты ставили софиты, я залезала на подиум, скидывала халатик и позировала.

Там я и спала на диванчике. А когда Иваныч запил на Ноябрьские и, заперев все аудитории, унес с собой по пьянке ключи, я и вовсе спала в лифте на картонках. Где Иваныча искать, Людмила Филимоновна не знала; знала, что жена его давно выгнала, и он либо у приятелей в гаражах, либо у своей шалавы. А у какой именно — неизвестно.

Свободного времени у меня не было совсем. Какая тут подготовка: тут бы что умеешь — не растерять. Иногда, в десятиминутный перерыв, я спрыгивала с подиума, накидывала халат и подходила к мольберту какого-нибудь горе-рисовальщика:

— Господи, ну кто так строит колено? Ты же из него мешок с опилками делаешь! Погляди сюда.

Я распахивала полы халата, клала его пальцы прямо на коленную чашечку.

— Чувствуешь? Нажимай, нажимай, не растаю.

Забирала у него карандаш и двумя-тремя штрихами ста-

вила колено на место. Очкастые абитуриенты балдели: «Ну девка дает!» А я опять вставала на подиум в свой заученный «контрапост».

Спустя десятилетия я зашла провести родные Пенаты. На вахте не пускали. Пришлось показать билет Союза художников. Старая богадельня оперилась: евроремонт, латунные ручки, на стенах рисунки в дубовых рамах. А на каждом втором листе с женской моделью красовались мои молодые бедра, вздернутые соски, юношеская талия. Была на рисунках, правда, ещё Любка-гимнастка, но про неё надо писать отдельную историю. Ни один первокурсник, разумеется, не узнавал во взрослой даме ту голодную музу брежневского застоя.

И вдруг из двери мужской уборной выкатился сухонький старик, шаркая штиблетами и вытирая мокрые ладони о вельветовые брюки. Седая бородка поредела, глаза выцвели. Он замер и близоруко вглядывался в моё лицо.

— Верочка? Неужто Левина?

— Здравствуйте, Павел Сергеевич, — сухо улыбнулась я.

«Надо же, — подумала я с мстительной нежностью, — тридцать лет прошло, а задницу мою помнишь».

Глава вторая. Факультет согласных

В тот год на живопись меня снова не пустили: баллов не добрала. Но система дала второй шанс — в институте был недобор на новый факультет. Название у него было из одних

согласных. Не помню точно, как это произносилось. Меня зачислили в группу «Вэ». «Слава богу, не в группу „Ге“ попала», — усмехалась я. Но тогда мне было уже всё равно. Второй год таких мытарств я бы не вынесла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.